

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ДНИ ПОСТА

10 тем для изучения и обсуждения за столом

Десять вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Десятое тевета: пост, открывающий разрушение»: зачем поститься в память об осаде, которая ничего не разрушила, почему этот пост не переносят и что тёмного в месяце тевет. Вплоть до различия, которое проводит Рав: народ переживает скитания, но удушение угрожает ему гораздо больше.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом в дни поста

01 Четыре поста — одна последовательность

02 Пост, который не переносят

03 Месяц Дана и буква глаза

04 Тора, одетая в греческое платье

05 Эзра, или конец пророчества

06 Плоть и соки

07 Имя, которого нет в Микец и Ваигаш

08 Скитаться или задыхаться

09 Две шеи — для двух Храмов

10 От Вавилонской башни до Бавеля

Четыре поста — одна последовательность

ВВЕДЕНИЕ

Четыре поста года связаны с разрушением Храма. Открывает их 10 тевета: Навуходоносор осаждает Йерушалаим — ни бреша, ни руин. Пророк Зхарья называет все четыре — но пост десятого месяца упоминает последним.

ВОПРОС

Что связывает эти четыре даты и что обещает о них пророк?

ОТВЕТ

«Пост четвёртого месяца, и пост пятого, и пост седьмого, и пост десятого станут для дома Йехуды радостью и весельем... Любите же истину и мир» (Зхарья 8:19).

10 тевета — осада; два с половиной года спустя, 17 таммуза, — брешь в стене; 9 ава — разрушение Храма и начало изгнания; наконец, 3 тишрея — утрата национальной идентичности, когда еврей убил последнего поставленного наместника. Эти четыре даты образуют последовательность, и 10 тевета — её первое звено.

Но именно его Зхарья называет последним. Рав отмечает эту странность: этот пост, бьющий тревогу об упадке народа и неминуемом падении Иудейского царства, должен был бы стоять первым.

И всё же пророк возвещает, что эти посты превратятся в радость, веселье и праздничные дни, и ставит условие: любить истину и мир. Рав читает это так: искать истину прежде мира — истина прокладывает путь миру.

ВЫВОД РАВА

Он бьёт тревогу об упадке народа и неминуемом падении Иудейского царства.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Начало беды часто проходит незамеченным: осада, ещё не брешь. Какое «10 тевета» мы пропустили в нашей семье — первый знак, который не захотели увидеть? И какую истину нужно сказать, чтобы вернулся мир?

Пост, который не переносят

ВВЕДЕНИЕ

9 ава, отмечающее само разрушение Храма, переносят на воскресенье, если оно выпадает на Шабат. 10 тевета, отмечающее лишь осаду, следовало бы соблюдать в сам Шабат. Мудрецы устроили календарь так, чтобы этого не случилось, — но правило остаётся.

ВОПРОС

Почему пост в память о простой осаде должен быть более «незыблемым», чем пост в память о разрушении?

ОТВЕТ

«Сын человеческий, запиши себе имя этого дня, этого самого дня» (Йехезкель 24:2).

Есть лишь один общественный пост, соблюдаемый в Шабат: Йом Кипур. Его не переносят, потому что текст уточняет «в этот самый день»: суть этого дня — день Кипура, и перенести его на завтра невозможно. А то же уточнение стоит и о 10 тевета: пророк получает повеление записать имя и суть дня, когда вавилонский царь начал осаду Йерушалаима.

Ещё один пост разрешён в Шабат: после дурного сна. Дурной сон мешает человеку вкυσить удовольствие Шабата; лучший способ избавиться от него — поститься в этот день. Это говорит о том, что такое пост: осознание. Рамбам делает его началом раскаяния и обновлением жизни, совершенно новой направленностью.

Так 10 тевета даёт понять, что он открывает решающий поворот в истории народа. Магараль из Праги скажет, что он — источник, исток, суть всего распада народа и его изгнания.

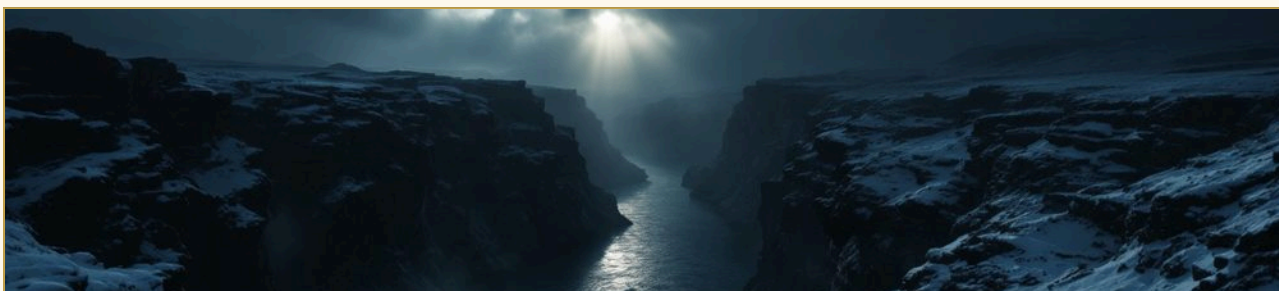
ВЫВОД РАВА

Пост — это просто осознание.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Дурной сон может испортить целый Шабат. Что сейчас мешает нам в полной мере вкυσить наших семейных радостей? И какое осознание — а не откладывание — могло бы нас от этого освободить?

Месяц Дана и буква глаза

ВВЕДЕНИЕ

Как праздники приписывают праотцам, так месяцы приписывают двенадцати коленам. Тевет — удел Дана. И у каждого месяца своя буква, связанная с его событиями: у тевета — аин, глаз.

ВОПРОС

Что говорят колено и буква месяца о тьме, присущей тевету?

ОТВЕТ

«И тьма над бездной» (Берешит 1:2); «Судил меня Б-г», данани Элоким (Берешит 30:6).

Дан, сын Билги, введённый в родословное древо Яакова, приносит в него понятие справедливости: Рахель, нарекая ему имя, говорит «данани Элоким», судил меня Б-г.

Смысл буквы читают по её первому появлению в Торе. Тет появляется впервые в слове тов: и увидел Б-г свет, что он хорош; он связан со светом. Аин же появляется впервые в словах «и тьма над бездной». Эта тьма, говорит Рав, присуща месяцу тевет.

Ибо в нём накопились три беды — настолько, что в древности постились три дня подряд, 8, 9 и 10: перевод Писания на греческий, смерть Эзры-книжника, осада Йерушалаима. Три умаления света в одном месяце.

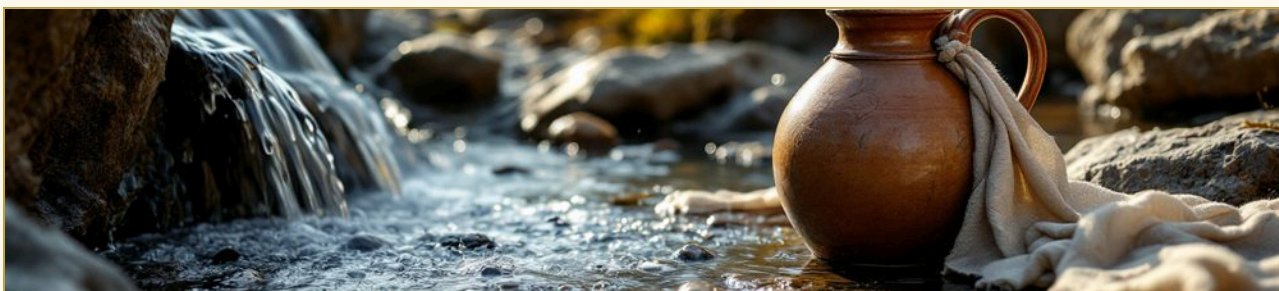
ВЫВОД РАВА

В этом месяце произошло умаление света.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Дан приносит справедливость, а буква месяца — глаз. Как мы смотрим друг на друга дома: глазом, который судит, или глазом, который освещает? Пусть каждый расскажет, когда его осудили слишком поспешно и когда кто-то по-настоящему его разглядел.

Тора, одетая в греческое платье

ВВЕДЕНИЕ

8 тевета Писание было переведено на греческий — на греческий язык, уточняет Рав, а не греческим письмом. Наши мудрецы сравнили этот день с днём, когда был сделан золотой телец. Сравнение удивляет: разве перевод не делает Тору доступной всем?

ВОПРОС

Почему перевод оплакивают, как день золотого тельца?

ОТВЕТ

Наши мудрецы: день, когда Тора была переведена на греческий, был для Израиля так же тяжёл, как день, когда сделали золотого тельца.

Золотой телец, говорит Рав, — не идолопоклонство само по себе: это одежда, надетая на веру. Вещи больше не воспринимаются непосредственно, в их силе и сути; их одевают. Так и Тору одели в греческий язык. Народ словно поражён близорукостью: он больше не видит вещи у источника, он видит их опосредованно.

Ибо иврит — не один язык среди прочих. В каждом языке есть искра пророчества, но иврит — язык творения, тот, на котором была дана Тора. Каждая буква в нём — источник нескольких значений, и именно это дало мудрецам, изучающим Тору, искру пророчества даже тогда, когда пророчество угасло.

Поэтому, чтобы по-настоящему понять Тору, её следовало бы изучать на её изначальном языке.

ВЫВОД РАВА

Еврейский народ словно поражён близорукостью: он больше не видит вещи у источника, в истоке.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Всякий перевод одновременно помогает и скрывает. Какое ивритское слово из наших молитв или праздников мы хотели бы понять «у источника»? Пусть каждый выберет одно и до следующего раза выяснит, что оно говорит такого, чего не говорит перевод.

Эзра, или конец пророчества

ВВЕДЕНИЕ

9 тевета умер Эзра-книжник, которого наши мудрецы отождествляют с Малахи, последним пророком. С ним завершается эпоха пророков и начинается эпоха толкования Устной Торы.

ВОПРОС

Что теряют и что приобретают, когда пророчество уступает место Устной Торе?

ОТВЕТ

Наши мудрецы: если бы Тора не была дана через Моше, Эзра был бы достоин передать её Израилю.

Эзра был способен восстановить Тору и сам изготовить вторые скрижали. Но между первыми и вторыми есть разница: в первых — прозрачность лица Моше; во вторых в их изготовление вмешалась рука человека, а с ней — некоторая непрозрачность. Его смерть открывает разрыв.

Устная Тора — тоже одежда, но одежда живая. Её толкование допускает разные, порой противоположные значения, и в этом её гений: она придаёт Письменной Торе человеческое и всеобщее измерение, признанное исполненным святого духа. Поэтому тот, кто присутствует при последнем вздохе мудреца, разрывает одежду: он теряет Тору, которая была собственным вкладом этого человека во всю общину Израиля.

Но у всякой одежды есть свой недостаток, и первый — она сильно уменьшает свет текста.

ВЫВОД РАВА

Устная Тора — это личный вклад каждого из нас.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый мудрец уносит с собой Тору, которую не нёс никто другой. Какое слово, какой способ понимания мы получили от ушедшего родителя или учителя? И какую личную долю мы хотели бы оставить сами?

ВВЕДЕНИЕ

Осада Йерусалаима была не первым бедствием народа. Задолго до неё Ассирия разрушила Израильское царство и угнала его жителей. Но никакой пост не отмечает это разрушение.

ВОПРОС

Почему оплакивают осаду Вавеля, но не разорение, учинённое Ашуром?

ОТВЕТ

«Израиль — рассеянная овца, которую разогнали львы: первым пожрал её царь Ашура, а последним Навуходоносор, царь Вавеля, раздробил её кости» (Ирмея 50:17).

Пророк, однако, ставит их в один ряд. Но наши мудрецы различили: Ашур съел плоть еврейского народа, Вавель коснулся его соков. Пока соки были на месте, народ ещё можно было восстановить. Тот, кто поставил его под угрозу уничтожения, — Навуходоносор: потому именно он служит точкой отсчёта упадка и изгнания.

А почему пал Йерусалаим? Пока существовал Храм, народ считал себя непобедимым: Б-г никогда не осмелится тронуть Своё собственное святилище, Он будет защищать его любой ценой. Ошибка, говорит Рав.

Народ начал с того, что отрезал мир от его источника вдохновения. Связи между небом и землёй, которую представляло святилище, больше не было в сознании людей; с ней даже боролись. С этого момента святилище больше не щадили.

ВЫВОД РАВА

Пока соки были на месте, народ ещё можно было восстановить.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Можно потерять многое и восстановиться, пока соки на месте. Каковы «соки» нашей семьи — то, что, пока его хранишь, позволяет всё отстроить заново? Действительно ли мы их бережём или считаем неприкосновенными?

Имя, которого нет в Микец и Ваигаш

ВВЕДЕНИЕ

Месяц тевет — время, когда читают историю Йосефа и его братьев, этот раскол внутри народа. Рав отмечает, что в двух недельных главах, Микец и Ваигаш, встречается лишь имя Элоким: Имени Ашем в них нет.

ВОПРОС

Что означает это отсутствие и где Имя появляется вновь?

ОТВЕТ

«На Твоё спасение надеюсь, Г-споди» (Берешит 49:18).

Элоким обозначает земные силы, силы творения, качество суда; это имя, которое разделяют с другими божествами. Другое Имя обозначает то, что за пределами творения и управляет самим Элоким. Именно это Имя народ забывает, довольствуясь Элоким, — как он потребует позже у подножия горы, хотя видел проявление Ашема.

Имя появляется вновь в благословении Яакова Дану. Яаков видит, как проходит Шимшон из колена Дана, и думает узнать в нём поведение вождя и судьи Израиля — но ему выкололи оба глаза: опять глаз. Тогда он и говорит: на Твоё спасение надеюсь, Г-споди.

Не нужно слышать в этом крик отчаяния, говорит Рав. Это благословение: требование соединить Ашема с нашим взглядом на нашу историю и с тем, как мы её творим, чтобы не погрузиться в замкнутость.

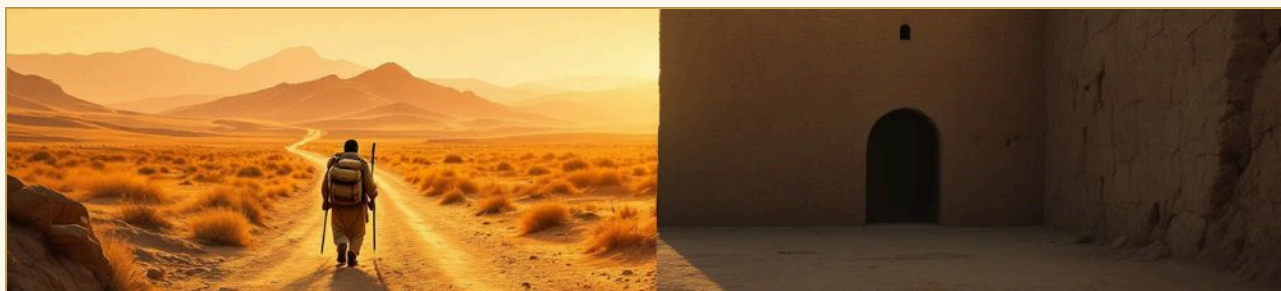
ВЫВОД РАВА

Нужно соединить Ашема с нашим взглядом, с тем, как мы творим нашу историю.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Всё можно объяснить обстоятельствами: природой, экономикой, политикой. В каком событии нашей жизни мы видели лишь обстоятельства — и где могли бы сегодня узнать руку, которая их превосходит?

Скитаться или задыхаться

ВВЕДЕНИЕ

Есть два способа преследовать народ. Рав называет их Ашур и Мицраим, Ассирия и Египет. Осада 10 тевета, говорит он, относится ко второму — и он самый тяжёлый.

ВОПРОС

Почему заточение угрожает народу больше, чем скитание?

ОТВЕТ

«В осаде и в тесноте», бе-мацор у-ве-мацок (Дварим 28:53); «И возвратит тебя Г-сподь в Египет на кораблях» (Дварим 28:68).

Ашур переселял народы с места на место, чтобы никто больше не узнавал себя там, где находится: человек теряет корни и идентичность и становится скитальцем, вечно в пути. Думаешь, что нашёл милостивое место, которое тебя принимает, а через какое-то время всё меняется, и нужно собирать вещи. Это зло поправимое.

Неисправимое зло — зло Египта. Он не переселяет тебя: он находит тебе место, подменяет твою землю другой, поселяет тебя на почве, где ты окружён врагами, и ты больше не можешь дышать. Об этом и говорит текст об осаде: в тесноте и в удушье. Не иметь возможности развернуться, не иметь возможности расцвести, оставаться запертым в навязанных границах — вот самая тяжёлая угроза будущему Израиля.

Поэтому последнее из проклятий — возвращение в Египет: необходимость начинать всю свою историю заново.

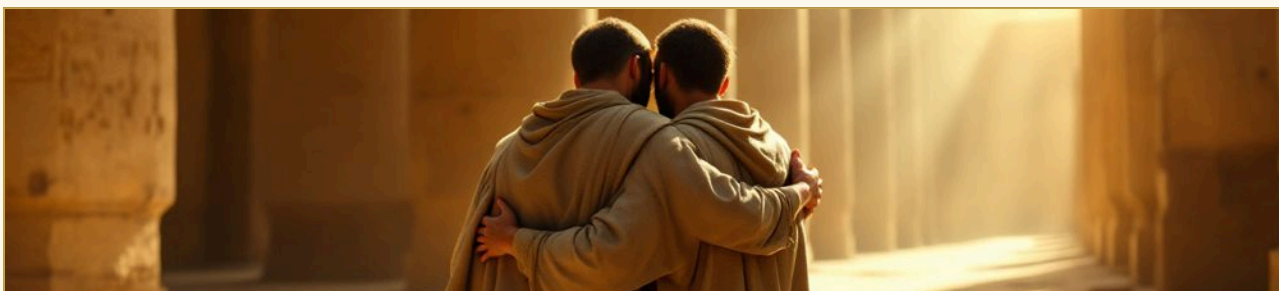
ВЫВОД РАВА

Невозможность развернуться, невозможность расцвести — вот самая тяжёлая угроза уничтожения.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть те, кого отдалают, и те, кого запирают. И в наших семьях: кого мы отдалили, а кого заперли в роли, из которой он больше не может выйти, — трудного, хрупкого? И кто из двоих задыхается больше?

Две шеи — для двух Храмов

ВВЕДЕНИЕ

Когда Йосеф встречает Биньямина, он падает на его «шеи» — во множественном числе — и плачет; Биньямин плачет на шее Йосефа. Рав видит в этом, вместе с нашими мудрецами, плач о будущих святилищах и урок о колене Дана.

ВОПРОС

О чём плачут Йосеф и Биньямин и при чём здесь Дан?

ОТВЕТ

«И пал он на шеи Биньямина, брата своего, и заплакал, и Биньямин плакал на его шее» (Берешит 45:14).

Множественное число означает по меньшей мере два: Йосеф оплакивает два Храма, Первый и Второй, которые должны были прийти на удел Биньямина. Биньямин же оплакивает над Йосефом падение святилища в Шило.

А рядом с этим святилищем находилась территория Дана, самого пренебрегаемого колена Израиля. Между тем Дан был привлечён к строительству первого святилища: Бецальель из Йехуды и Оолиав бен Ахисамах из Дана были взяты вместе — две крайности, намеренно соединённые, два сильных колена, оба названные львятами.

Но в то время как Йехуда оставался безусловным защитником Йерушалаима и Храма, Дан поднялся на север, на границу между Израилем и другими народами, и на протяжении всей истории не был последователен сам с собой.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

У Йехуды и Дана была одинаковая сила; один поставил её на службу центру, другой встал на границе. Куда мы вкладываем свои силы: в сердце нашей семьи или всегда немного на окраине? И кто из нас защищает «центр» за всех остальных?

От Вавилонской башни до Бавеля

ВВЕДЕНИЕ

Навуходоносор царствует в Бавеле, Вавилоне. Для Рава это не случайно: его осада продолжает попытку Вавилонской башни, когда хотели построить город и башню.

ВОПРОС

Какая связь между Вавилонской башней, смешением языков и осадой Йерушалаима?

ОТВЕТ

«Сойдём же и смешаем там их язык» (Берешит 11:7).

В Бавеле хотели построить город и башню. Город, говорит Рав, — это Йерушалаим; башня — это Храм. И Б-г смешал там все языки. Те, кто владел языком творения, утратили его в пользу производных языков — среди которых и греческий. Это было первое умаление света.

10 тевета собирает все последовавшие: перевод Торы на греческий, смерть Эзры, последнего пророка, и осаду, то есть заточение еврейского народа.

Все эти накопившиеся умаления света делают 10 тевета важнейшим постом — настолько, что его соблюдали бы, даже если бы он совпал с Шабатом.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

10 тевета оплакивает свет, который убывает медленно, без грохота. Какой свет у нас убыл так, что никто этого не заметил, — привычка учиться, благословение, разговор? Что мы могли бы зажечь вновь на этой неделе?